

Браво, или Венецианский бандит...

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 2. Статьи, рецензии и заметки, апрель 1838 -- январь 1840.

Ред. Н. К. Гей. Подготовка текста В. Э. Бограда. Статья и примеч. В. Г. Березиной.

М., "Художественная литература", 1977.

[OCR Бычков М. Н.](#)

БРАВО, ИЛИ ВЕНЕЦИАНСКИЙ БАНДИТ, ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН. Сочинение Я.-Ф. Купера. Санкт-Петербург. 1839. В типографии Конрада Вингебера, Четыре части: I - 189, II - 206, III - 192, IV - 218. (12).

Купер явился после Вальтера Скотта и многими почитается как бы его подражателем и учеником; но это решительная нелепость: Купер -- писатель совершенно самостоятельный, оригинальный и столько же великий, столько же гениальный, как и шотландский романист. Принадлежа к немногочисленному числу первоклассных, великих художников, он создал такие лица и такие характеры, которые навеки останутся художественными типами: вспомните его Соколиного-Глаза, который потом является Тенетником, вспомните его *пчелиного охотника* Павла, его Твердосердого, его Харвея Бирша, его Джона-Поля {А этого не угодно ли для курьезу сравнить с Джоном-Полем г. Александра Дюма, чтобы увидеть разницу между самобытным гением творчества и литературным обезьянничеством жалкой, посредственности².}¹ и множество других лиц, вероятно, столько же как и мне, знакомых и перепознаваемых вам. Сверх того, будучи гражданином молодого государства, возникшего на молодой земле, не похожей на наш старый свет,-- он через это обстоятельство как будто бы создал особый род романов -- *американско-степных* и *морских*. В самом деле: эти дивные изображения беспредельных степей Америки, покрытых травой выше человеческого роста, населенных стадами бизонов, пересекаемых огромными лесами, таящими в себе краснокожих детей Америки, ведущих и между собою и с белыми непримиримую брань,-- где, у кого, кроме Купера, можете вы найти все это? -- А море, а корабль -- тут он опять как у себя дома; ему известно название каждой веревочки на корабле, он понимает, как самый опытный лоцман, каждое движение корабля, как искусный капитан -- он умеет управлять им, и нападая на неприятельское судно и убегая от него. На тесном пространстве палубы он умеет завязать самую многосложную и в то же время самую простую драму, и эта драма изумляет вас своею силою, глубиною, энергиею, величию, а между тем в ней все так, по-видимому, спокойно, неподвижно, медленно, обыкновенно. Дивный, могучий, великий художник! Вот это-то и заставило всех сделать ложное заключение, что Купер может быть у себя дома только в степи, лесу да на море; но что если перенесет место действия своего романа на твердую землю, то непременно потерпит кораблекрушение и сядет на мель. Но великий художник не побоялся карканья критических вороньев или ворон; но, расправив свои могучие орлиные крылья, и на чужом материке, под чужим небом полетел тем же, ему одному свойственным полетом, каким парил он и под небом своей родины. "Браво", роман, местом действия которого Купер избрал Венецию, служит этому доказательством. Недавно этот роман явился на русском языке в самом безграмотном переводе³, какой только может себе вообразить самое пылкое и смелое безграмотное воображение,-- и почти во всех наших журналах было повторено, что Купер -- хороший романист у себя в Америке да на море, а в Европе -- срезался и что его "Браво" -- скучный и пошлый роман⁴. Вот так-то -- что много думать!..

Признаемся, не без страха принялись мы за чтение "Браво": нам было бы грустно удостовериться, что такой великий художник, как Купер, мог писать плохие романы, как какой-нибудь Бальзак. Вот уже мы, через великую силу, прочли главу, другую... перевод уже одолевал наше терпение, нашу любовь к искусству, готовую на великие жертвы -- даже на чтение таких переводов... но вот мрак начал рассеиваться, легкие очерки стали превращаться в живописные фигуры, слабые тени -- в живые образы и лица -- и, несмотря на ужасный перевод, мы уже не читали, а с ненасытною жадностью пожирали остальные главы и части... И теперь, когда уже роман давно прочтен, и теперь носятся перед нашими глазами эти дивные образы, которые могла создать только фантазия великого художника... Вот старый рыбак Антонио, с его энергическою простотою нравов, с его благородною грубостию; вот глубокий,